

печивает сравнительно высокий материальный достаток частных предпринимателей, но лишает их общественной нравственно-психологической поддержки, без которой они ощущают состояние виновных и отвергнутых обществом, т.е. состояние маргиналов. Чувство неустойчивости, временности своего состояния подталкивает “новых белорусов” к нарушению, преступлению не только нравственных, но и юридических нормативов, нравственному оправданию выхода за пределы “устаревших”, “антипрогрессивных” законов. Именно поэтому субкультура “новых белорусов”, как и “новых русских”, даже во внешних атрибуках тяготеет к маргинальности.

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЙ ТИП СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ВЫБОРА

С.А.Елизаров
(г. Гомель)

В условиях радикальных перемен, охвативших постсоветское пространство, проблема выбора социокультурного вектора развития становится решающей для судеб многих государств и народов. При этом сам тип этого выбора диктуется не только сегодняшними реалиями, интересами отдельных личностей или социальных групп, но и в огромной степени теми традиционными способами принятия решения, которые сложились у каждого народа в результате его исторического развития и которые составляют его социокультурный код.

В современной науке выделяются два основных типа осуществления выбора - инверсия и медиация. Для восточных славян конститутивной чертой, проявлявшейся на протяжении всей истории и сохранившей значение доминанты в современных условиях, служит инверсионный тип решения социокультурных противоречий и выбора решения. Инверсионность мышления выражается в абсолютизации дуальной оппозиции, четко разграничивающей все многообразие мира и социальных отношений на два прямо противоположных полюса, один из которых приобретает однозначно-положительное значение, другой - столь же однозначно-отрицательное.

“Положительный полюс” этой дуальной оппозиции составляет идеал, реализующийся, в частности, в конкретной форме социальных отношений (типе государственности, лидерства, отношений “индивид - социальная группа - государство” и т.п.). Иные явления, не попадающие под закрепленный в традициях и стереотипах “поло-

жительный полюс”, либо рассматриваются как несущественные, временные, либо располагаются на противоположном, “отрицательном полюсе”. Характерная для восточного славянства приверженность форме при традиционном господстве патриархально-православной константы и сакрализации основных сторон жизни (сохраняющейся даже в условиях формально-атеистического общества) делает пободный стиль отношений к прошлому, настоящему и будущему достаточно устойчивым, позволяющим выдерживать значительные деструктивные воздействия.

Инверсия представляет собой способ принятия решения, заключающийся в простом выборе между двумя противоположными вариантами. Такая простая инверсия в случае разочарования в “положительном полюсе” приводит к элементарной перемене полюсов дуальной оппозиции, минуя варианты компромиссные, не сводящиеся к уже известным крайностям. Господство инверсионного мышления объясняет столь характерный для восточнославянского менталитета резкий переход из одного состояния в прямо противоположное: от рабской покорности к всеобщему разрушительному бунту, от мистики христианства к воинственному атеизму, от доброты и человечности к безумству жестокости и насилия, от высокомерного презрения к “иноземщине” к слепому подражательству.

С этим связана и другая важнейшая характеристика инверсионного типа выбора - ориентация на воспроизводство уже ранее оформившихся образцов-идеалов, на господство прошлого над будущим, традиции над новаторством. Простая инверсия затрудняет поиски новых вариантов организации человеческого сообщества. Жесткая конструкция дуальной оппозиции (“добро - зло”, “истина - ложь”...) препятствует формированию неких новых, компромиссных вариантов (по Н. Бердяеву - “срединной культуры”), что возможно на основе иного типа мышления - медиационного как диалогового, направленного не на абсолютизацию имеющихся крайностей, а на поиск новых решений на основе их взаимообогащения и взаимопроникновения.

Восточнославянский социоцентризм с его доминантной ролью государства “дозволял” появление нового, не вписывающегося в рамки традиционного “положительного полюса”, только как результат государственного решения. Подобного рода новое оказывалось обычно делом меньшинства народа, в лассической форме - абсолютистской государственной власти, но не исходило от народной инициативы. В большинстве случаев внутренняя неприязнь этого нового, не освященного традицией, сочеталась в массах населения с

внешним признанием. При ослаблении государственной власти связанное с ней новое (если оно так и не получило в народном сознании статус “положительного”) подвергается мощному разрушительному давлению массовой стихии, бунтов и революций.

Инверсионность мышления амбивалентна: оно источник и силы, и слабости восточных славян. Сила - в приверженности идеалу, в способности переносить жестокие страдания и невзгоды, в жертвенности ради общего дела. В этом - источник сохранения своей особенности, неповторимости, оригинальности.

Слабость - в неумении и нежелании менять идеал в соответствии с изменением реального мира, в приверженности форме, любое изменение которой воспринимается как покушение на мировоззренческие основы. В связи с этим одна из важнейших проблем современных реформаторов - от каких изживших себя конкретных форм восточнославянских традиций можно отказаться без особого ущерба для общества, как использовать внутренний творческий потенциал этих традиций в иных формах, а какие жизнеспособные формы следует поддерживать и далее?

Сильные стороны инверсионности позволяли одерживать победы в военном соперничестве. Слабость обрекала на роль догоняющих в отношениях с Западом, захватившем с XVII-XVIII в. роль мирового лидера. В условиях, когда противостояние европейских Востока и Запада еще носило ярко выраженный конфессиональный характер, приверженность православному идеалу составляла прочную основу восточнославянского цивилизационного уклада и позволяло соперничать и с Западом, и с Востоком. Но в дальнейшем поле борьбы изменилось - на первый план вышла идея прогресса в ее досакрализованной технико-технологической форме. Нравственно-религиозная составляющая цивилизационного соперничества отошла на задний план. Решающими инструментами цивилизационного лидерства стали прагматизм и максимальная эффективность.

Восточные славяне не смогли противопоставить этим новым “правилам игры” иной конкурентоспособной идеи, уступив инициативу западному “прогрессиистскому мессионизму”. В свою очередь комплекс “цивилизационного аутсайдера” при доминировании инверсионного стиля мышления время от времени вызывает простую перестановку полюсов традиционной дуальной оппозиции (“свое - добро” - “иноземное - зло”). На рубеже 80-90 г. западные стандарты и институты рассматриваются как положительные, идеализируются и превращаются в панацею. Повсеместно, как в среде новой руково-

дядшей элиты, так и в массовом созании господствует представление о возможности быстрого процветания и решения возникших проблем путем переноса на свою почву социальных и экономических технологий в готовой форме, без учета собственной цивилизационной природы. Однако крах иллюзий быстрого и безболезненного достижения западных стандартов приводит к новой простой инверсии: массовому отторжению западного образца вновь на “полюс отрицательный” и, соответственно, к возврату на “полюс положительный” еще недавно, казалось бы, надолго дискредитированного общинно-социалистического идеала.

ПОВЫШЕНИЕ УРОВНЯ КОМПЬЮТЕРИЗАЦИИ КАК ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ПЕРЕХОДНОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

В. О. Голубинцев, Г. Г. Козлечков
(г. Новочеркасск)

Нынешняя Россия осуществляет переход от индустриальной стадии развития (на которой находилась сложившаяся еще в 30-е годы социалистическая модель общественного устройства) к современному постиндустриальному, информационному обществу. Последнее в значительной степени характеризуется уровнем компьютеризации различных областей социальной жизни.

Россия пока занимает достаточно скромное место среди сотни “компьютеризированных” государств мира - примерно посередине списка. Это обусловлено в значительной степени следующими обстоятельствами. Если США ежегодно затрачивает на развитие и обслуживание своих информационных технологий 4% ВВП, то в России расходуется на эти же цели только 0,5% ВВП, что явно недостаточно.

Важным этапом в глобальной “компьютерной эволюции” явилось создание в середине 70-х годов персонального компьютера (ПК). В настоящее время в России имеется примерно три миллиона персональных компьютеров. Ежегодный прирост их продажи составляет около 17%. Этот показатель значительно ниже по сравнению со многими странами. К тому же основная часть продаваемых в России ПК приобретается для фирм, а на долю пользователей приходится всего 5 - 10% из них.

Тем не менее наблюдается тенденция к заметному улучшению сложившегося положения. Этому способствует развитие сотрудниче-